

Фронтовик

Три с половиной года из жизни Сергея Кочева

Сергей Михайлович приходится двоюродным братом Герою Советского Союза Николаю Олесину. Он родился в 1919 году, в 1941-м тожешел на фронт. В звании лейтенанта после тяжелого ранения демобилизовался. Вернувшись домой, работал преподавателем в Коми государственном педагогическом институте, возглавляя кафедру математического анализа. Сегодня, несмотря на преклонный возраст, он так же горячо переживает за будущее своей Родины, как и в трагическом 41-м.

- 22 июня 1941 года, в воскресенье, и был дома. Выйдя утром и в рабочего утра пошел в лес по грибы. День был солнечный и ясный. Прине дождь около двух часов дня и узнал, что выступили: Молотов по радио и сообщил о начале войны с Германией. Конечно, некоторое время до извержения продолжалась обычная мораль жизни, если не считать массовой мобилизации мужчин 1903-1918 годов рождения. Это вызвало уныние у населения, при этом мы еще не знали, какое горе принесет нам война. Мы 28 июня сделали последний госпитальный и закоптили педиатрический. В конце августа 1941 года меня и моего друга Евгения Следникова Наркомпрос Ками направил работать в Прилуки: меня - в Объячево, а Женю - в Лойму. Успели поработать в школе только один месяц, и то больше половины времени убили картонку.

Дорога на фронт

Прилуцкий районенкомат 1 октября 1941 года призвал нас в армию, и мы скосялись, но колено в газы, или пешком до Муршай. Очень торопились, мы штрафовались, если оставались почти без подошв. В военкомате нам выдали направление в Вологду в первый багаж. Но прежде туда всех ссыпало отправлять кочить картошку, и мы не знали из-за обуви. Помню, часто падали немецкие самолеты, но не бомбили. Через 10 дней нас, имеющих высшее образование, отправили в Великий Устюг и чехотное училище. Ехали через Котлас, где я встретил своих выдровских земляков, которых мы вдруг выручили - дали полбуханки хлеба. Наконец, царюхомы доехали до Устюга. Потянули мы с Женей Следниковым во 2-й батальон, размещавшийся в здании бывшего педучилища. В первый же день комендант отделения дал мне и Жене по наряду вне очереди. За что? За то, что не успели спровременно напомянуть обмотки.

Через месяц нас пересели в другой багаж. Там тоже были с будут до 10 вечера, кроме того, часто были тревоги - это десятикилометровый марш-бросок. В январе задумали устроить учения. Три дня были в снежных окопах и спали в шалаши из елок. Много было обмороженных, так как мы были в кожаных сапогах и шинелях, а температура была за 40°. Наконец выпустили из младших лейтенантов. Шли пешком до Котласа через Красногород, дальше

путь в Вологду. Долго ждали посада, спали на полу вокзала, люди ходили по спящим. На пять суток я заболел, температура поднялась до 41 градуса. Дружок Женя повел меня в больницу. Меня сначала уложили к тифозиусу больным. Крутом лежат стоящие голые люди, все тело у каждого в красных пятнах. После освидетельствования оказалось, что у меня тропический малярий (подхватил в Сыктывкаре, когда работали на сплаве вместе с туркменами). Разместили в областной больнице. Лежал почти два месяца: сначала морозице по телу - пшеница горячую воду, затем пар - пшеница, холодную воду.

Давали хинку и архизин. Кушать было нечего, родные далеко, да им и не писал. Наконец в мае 1942 года меня выписали, весила я 41 кг. Явился к военному командику. Он на меня посмотрел и сказал: «Надо попрощаться», и направил в запасной санитарный батальон, дислоцированный в Кирзове. Сначала я попал в пулеметную роту, расположенную в самом городе. Во время Сталинградской битвы в августе 1942 года рота была направлена под Сталинград, но у меня, как пало, опять началась приступ мальрии, и я проболел целую неделю.

200 и 600

Так и пропустил я три отправки на фронт. Поэтому остался в алтайском полку. В октябре 1943 года был направлен в Свердловск в полк запаса. Не

В начале июня 1944-го меня направили в 1-ю гвардейскую бригаду 1-го Донского танкового корпуса. Из этого периода мне запомнился бои под местечком Сычевка, этого пошесе Бобруйск-Минск. Наш корпус уже наступал на Минск, но из Бобруйска вырывались огнестрельные бои с немцами и танками и самоходками, тоже устремившимися к Минску. Так вот, мы оседали здесь. Немцы же стащили нас опрокинуть. Были тяжелые бои, мы много раз ходили в контратаку. Немцы дрались отчаянно, если гибли было уже никого. Остались без патронов, бросались на наших бойцов с ножами.

Наступление на Минск

Затем началось наступление на Минск. На американских «фордах» мы вместе с танками сопровождения устремились туда. Первый город на пути - Осиповичи. Наша рота на машинах на полной скорости устремилась к мосту. На автоматический огонь не обращали внимания. И вдруг удар снаряда свачала по мотору, второй снаряд - по хузаву. Убило и ранило восемь человек. Мы спрыгнули с машин и стали отстреливаться, стоя за колесами. Укрылись задом к, постrelивши, стали двинуться на немецкую батарею, из-за которой нас обстреливали. Каштан приказал мне похоронить убитых, а раненых увезти в тыл. Вырыли большую яму прямо во дворе того дома, где мы укрылись от обстрела, и в ней похоронили всех убитых.

Вышли из аадания, мы вернулись к своим - к перевязке. Но там серьезная оборона немцев. Появляется наш танк - получает снаряд, поднимешь голову - получение пулю снайпера. Утром немцы отошли от реки Сож. Мы же, не теряя времени, сталидвигаться на Минск.

Вскоре мы ворвались в Минск, но большое сопротивление со стороны противника нашему корпусу не было. В центре Минска встретились с войсками 3-го Белорусского фронта.

В госпитале

В медсанбате сказали, что со мной здесь сделать ничего не смогут, и надо ехать в тыл, в специальный госпиталь. Но машины мы доехали до Бобруйска. Там меня в первый раз смотрел глазной врач. Он сказал, что мелкие осколки прошли роговицу моего левого глаза и антрацитом. С правым глазом дела обстояли лучше: два осколочка может быть на сотне доли миллиметра не пробили роговицу в районе артика, но вызвали помутнение роговицы - вред бельма. Он вытащил эти два осколка и сказал, что нужно долгое время лечить, иначе глаз не будет видеть.

На третий день в госпитале меня пригласили на операцию - вытащили осколки из левого глаза. Лег на стол, в глаз закапали обезболивающие капли. Врач сделала разрез роговицы, подвела к нему электромагнит. Возникла синяя минута 10, чтобы вытащить осколок. Прямо скажем: было плохо. Запиняли живой глаз, так как действие капель давно прошло. Операционная сестра заплакала, видя что у меня от боли покинулись на лице капли пота. На этом заканчивалось описание своей жизни до декабря 1944 года. Потяжелому ранению был придан ограниченно годным с использованием в тыловых районах.

Записал
Николай ГОЛУБЕВ

«Счастье, - говорит Сергей Михайлович, - это когда все люди живут нормальным образом, когда они могут растиль свои детей, и когда в государстве все спокойно». Ради этого наш рассказчик, его брат Николай Олесин защищали Отечество, опачивая наше благополучие дорогой ценой - здоровьем и самой жизнью.